

Николай Липницкий

Последний романтик войны

Николай Липницкий
Последний романтик войны

«Автор»

2025

Липницкий Н. И.

Последний романтик войны / Н. И. Липницкий — «Автор», 2025

Недалёкое будущее. В результате боёв за Украину потеряв часть своей территории, Европа запросила перемирие. Была установлена санитарная зона и линия разграничения, на которой, для контроля были выставлены посты. На одном из таких постов несут службу молодой боец Артур с позывным Арти и ветеран, начинавший свой боевой путь ещё Донбасским добровольцем Копатыч. Копатыч пишет книгу о Русской весне и каждый вечер Артур с интересом слушает новые главы.

© Липницкий Н. И., 2025

© Автор, 2025

Николай Липницкий

Последний романтик войны

Арти рефлекторно поёжился, оглядывая окрестности через пролом стены. Боевой комбинезон, конечно, прекрасно защищает от холода, сырости и пронизывающего ветра. Но весь вид этой, пропитанной влагой долины вызывал инстинктивную дрожь. Со второго этажа полуразрушенного здания хорошо просматривались растрёпанные кроны деревьев в редких рощицах, разбросанных тут и там, раскисшая грунтовка и, беременные дождём, чёрные мрачные, как вдовы у гроба, тучи, ползущие по серому унылому небу.

Артур усмехнулся. Как вдовы у гроба. Какое мрачное сравнение! Можно было бы подобрать что-то более поэтичное. Например, как чёрные касатки по глади озера. Правда, касатки в озёрах не водятся, а океан никогда не бывает таким спокойным, как это тяжёлое, серое, словно свинцовая плита, небо. Конец осени. Скоро ударят морозы, задубеет безобразными комьями раскисшая земля и упадёт на землю первый снег, скрывая всю эту неприглядную грязь белоснежным покрывалом. Скорее бы уже.

– Ну, где ты там застрял? – появился на лестнице Копатыч. – Шурпа готова. Снедать пора.

– Сейчас, Старый. Осталось четыре деления.

– Да брось ты! Сколько можно этот ретранслятор тестировать? Если бы было что-то, тестировщик давно бы дал знать.

– Ладно, – всё равно, ведь, не отвяжется. – Иду.

Арти выдернул разъём тестировщика из гнезда ретранслятора, и с сожалением посмотрел на него. В принципе, Копатыч прав. Но Артур привык всегда доводить дела до конца. Тоже и с боевым комбинезоном. Можно было накинуть бушлат. Протестировать ретранслятор – дел на десять минут. Ан нет. Одежда, как в бой идти. Просто, ещё свежо в памяти, как НАТОвский дрон гонял его по развалинам в то время, когда комбинезон мирно лежал возле кровати.

Тогда он в одной повседнежке проверял датчики ближнего периметра. Квадрик появился неожиданно и сразу отрезал все пути к блиндажу. Вроде и одетый, а, как голый. Ни, тебе, броневой зашиты, ни купола РЭБ, ни электронного целеуказания, ничего. С тех пор, Артур старался не расставаться с комбинезоном или, хотя бы, не отходить от него больше, чем на два шага. Да ещё и пару дронов-дронов истребителей над собой подвесил для надёжности. Закрыв крышку тестировщика, Арти отпустил истребители, спустился в подвал и поставил автомат в пирамиду у входа.

Одинокая лампочка скудно освещала помещение, но света вполне хватало, чтобы не наткнуться на предметы. Хотя, предметов этих не так и много. Стол, найденный в своё время на остатках третьего этажа, две солдатские кровати вдоль стены, индукционная печь, масляный радиатор и полка с журналами дежурств и наблюдений. Наибольшее место занимала сложная конструкция из стеллажей и тумб, целиком заставленная аппаратурой. Копатыч сидел возле старого обеденного стола, и помешивал ложкой в котелке.

В подвале было тепло, и Артур отключил системы подогрева и кондиционирования комбеза. Хотел раздеться, но в последний момент задержал руку на магнитной застёжке и передумал. Просто снял боевой шлем и положил его на стол возле левого локтя. По всему помещению разливался аромат мясного бульона. В животе сразу заурчало и рот наполнился слюной. Копатыч кряхтя поднялся, включил электрический чайник и принялся разливать шурпу по тарелкам.

– Снял бы ты уже эту броню, – проворчал он, протягивая тарелку Артуру.

– Нет. Сейчас поем и полезу наверх антенну проверять.

– Далась она тебе? Вон, аппаратура работает, сбоев нет.

– По регламенту антенна проверяется раз в сутки. Мне не нужно, чтобы засбоило в самый неподходящий момент.

– Ты слишком перестраховываешься.

– Лучше перебдеть, чем недобдеть.

Это стало, своего рода, ритуалом. Изю дня в день в течении недели перед обедом они лениво спорили по поводу излишней дотошности Артёма, а, потом, молча сёрбали варево, которое Копатыч готовил каждый раз по-разному, но всегда вкусно. Разговор продолжался только после того, как оба складывали опустевшие тарелки в стопку и приступали к чаю. А чай был хорош. Заваренный на каких-то травках, он бодрил, придавал ясность мысли и будоражил. Копатыч заваривал его по своему особому рецепту и подавал в гранённых стаканах с мятыми древними железнодорожными подстаканниками.

– Вот, ты всё аппаратура, да аппаратура! – начинал старый. – А ты знаешь, как мы в две тысячи четырнадцатом начинали?

– Я уже в курсе, – мотал головой Артур. – Со старыми охотничьими ружьями против БМП.

– Почему, старыми? Были и новые. И АКС ментовские были. Но никакой аппаратуры.

– Тогда и дронов у ВСУ не было.

– Но броня была! А мы – ничего, справлялись.

– Старый, была бы твоя воля, мы бы все на мечи и луки перешли бы.

– И перешли бы! Война была бы честнее. А не так, из-за угла, по подлому.

– Война всегда подлая. И, когда мечами рубились, и, когда, каменными топорами.

Копатыч – живая легенда санитарной зоны. Он неизменно жил на линии разграничения, радушно встречая каждого, кто приходил сюда по ротации. И не смотря на его образцово-показательный консерватизм, был отличным оператором охранных и разведывательных систем. Во времена СВО он в числе первых начал осваивать прорывные, тогда, технологии беспилотных летательных систем, и, со временем, стал одним из лучших дроноводов.

Правда, тогда он был молодой тридцатилетний маркшейдер, только недавно спускавшийся в забой одной из донецких шахт. Да и сейчас, в свои сорок восемь, его вряд ли можно было бы назвать стариком, если бы не его абсолютно седые волосы, расплосованное шрамом от виска до подбородка лицо с глубокими морщинами, сутулая фигура и шаркающая неверная походка. Досталось ему за эти восемнадцать лет основательно.

Те, кто с ним начинали, давно, или на мемориальном кладбище в Донецке покоятся, или в братских могилах по всей Украине, или дома, поживая на заслуженных лаврах. А этот всё воюет. И, ещё, книгу пишет про эту войну. «Долгие дороги войны» называется. Точнее, будет называться. Хотя, Артур всегда считал странным сначала назвать книгу, а потом её писать. Логичнее было бы наоборот.

«Мы шли вдоль железной дороги, пригибаясь, чтобы нас не было видно за насыпью. Руки, сжимающие карабин СКС, постоянно потели от нервного напряжения, и мне приходилось периодически, то одну, то другую, вытирать о штанину. Первый бой – это всегда страшно. Я боялся и злился на себя за этот страх. Уже потом, спустя время, я понял, что страшно всегда, и абсолютно бесстрашных людей не существует. Но, сейчас, глядя на товарищей, я завидовал их спокойствию, не понимая, что они, просто, научились справляться со своими чувствами и ощущениями. Небольшую деревеньку, скорее, хутор в несколько домов, который нам предстояло штурмовать, находился где-то впереди и я вглядывался в темноту, пытаюсь понять, какое оно будет, это моё первое поле брани.»

– Какой СКС? – удивился Арти.

– Самозарядный карабин Симонова, – ответил Копатыч, недовольный, что его перебили.

– Он же древний, как стадо мамонтов!

– Спасибо и за это. Это же самое начало было. Тогда в Славянске только начали собираться отряды самообороны. В те времена не перебирали. Кому – карабин, кому винчестер, а кому и, двустволку. В нашей группе из двенадцати человек был один АК-74, два полицейских укорота, одна охотничья вертикалка, а у остальных – СКСы. Дальше будешь слушать?

– Да. Конечно.

«Датсун, командир группы и счастливый обладатель полноразмерного армейского АК-74, поднял руку, приказывая остановиться. Вся группа замерла, присев на одно колено. Штольня, повинувшись кивку, подошёл к Датсуну, выслушав что-то, сказанное вполголоса и ушёл в ночь.

– Ждём, – коротко бросил командир.

Я с облегчением опустил на траву и тут же подскочил, увидев, что никто расслабляться не собирается. Напротив, не вставая с колена каждый развернулся в свою сторону, целясь в темноту. Группа сразу ошетилилась, словно ёж, и мне ничего не оставалось, как тоже взять на прицел свой сектор. Минут пятнадцать ничего не происходило, и я, уже начиная успокаиваться, опустил ствол карабина вниз, когда тишину ночи разорвал грохот выстрелов. Темноту распорили огненные трассы очередей, и гулко несколько раз бухнули гранаты. Штольня появился неожиданно, как будто вырос из-под земли. Тряхнув головой, словно вытряхивая из уха воду, он подошёл к Датсуну.

– Там без вариантов, – сказал он. – Без арты никак.

– У наших есть миномёт, – подал голос Гуня. – Восемьдесят два миллиметра. Подойдёт?

– «Поднос»? – командир призадумался и кивнул головой. – Штольня, как думаешь?

– Ну-у. За неимением лучшего... Звони в штаб.

Датсун достал из нагрудного кармана камуфляжа «Самсунг», потыкал в кнопки и прижал его к уху. Разговор получился коротким, но эмоциональным.

– Всё, – нажав кнопку «Отбой», сообщил он. – Сейчас подвезут. Штольня, ты огневые позиции хорошо срисовал?

– Всё в компьютере, – парень ткнул пальцем себе в лоб.

– Будешь корректировать.

– Без проблем.

– Как с единицами? Хватит?

– Только вчера на сотку закинул.

– Тогда иди. Найди себе наблюдательный пункт получше.

Штольня шуточно откозырял и снова растворился в темноте.»

– Подожди, Копатыч, – перебил Старого Артур. – Какие единицы? Какие сотки? А рации?

– Не было у нас раций тогда. Я же говорю, что воевали, чем придётся.

– Против регулярной армии? С карабинами времён второй мировой, без раций и с одним ротным миномётом на, не знаю, сколько километров, линию фронта?

– Да.

– Вы, там, точно все были отморожены напроць.

– Просто мы защищали свою землю, свои семьи и свою культуру.

– Что там дальше было?

«Миномёт подвезли спустя полчаса. Приглушённый красными светофильтрами свет фар, и дребезжащий звук мотора послышался вдали. Малыш метнулся навстречу, замахал руками, обозначая себя. Старенький раздолбанный «Москвич»-каблук подкатил по разбитой грунтовой, проходящей неподалёку. Парни шустро вытащили «Поднос» из кузова, сноровисто его собрали и приготовились к стрельбе. Датсун достал свой «Самсунг» и набрал номер Штольни.

– Готов? – коротко бросил он в трубку. – Отлично. Передаю сотку командиру расчёта. Все целеуказания ему.

Командир, высокий, плечистый с круглым рязанским лицом принял телефон, который сразу утонул в его широких ладонях. Бахнул пристрелочный выстрел, тонко зазвенел ствол миномёта, а, потом, пошла непрерывная работа. Только оглушающий грохот вышибных зарядов, разрывы вдали и зарево разгорающихся пожаров.

– Можете выдвигаться! – прокричал командир расчёта Датсуну. – Я сейчас остаток боекомплекта докидаю и снимаюсь!

– Окей, – хлопнул его по плечу Датсун и махнул нам рукой. – Выдвигаемся!

И мы пошли, на ходу разворачиваясь в цепь. Из темноты вынырнул Штольня, показал командиру кулак с поднятым вверх большим пальцем и занял место в боевом порядке. В деревню ворвались и с ходу вступили в бой. Я бежал вперёд, выискивая мечущиеся в свете пожаров цели и на ходу стреляя по ним. Наверное, стреляли и в меня, но я не замечал. Во мне проснулись дикие, первобытные инстинкты, генетическая память предков, берущих или защищающих деревянные остроги. Пришёл в себя только тогда, когда Хмурый вцепился одной рукой мне в плечо, а другой в цевьё моего карабина и что-то мне прокричал.

– Что? – переспросил я, выныривая из боевого транса.

– Всё! – ответил мне Хмурый. – Мы их выбили! Населённый пункт наш!»

Сигнал оповещения прервал чтение, и оба синхронно повернули головы к мониторам. На изображении, передаваемом с непрерывно парящего в небе «Орлана 4М» роботизированные платформы устанавливали мины.

– Норвежские боты, типа «Конунг», – констатировал Копатыч. – Эти наты совсем оборзели.

– Ну да, – согласился Артур. – Прямо на пути патруля ОБСЕ ставят. А патруль подорвётся, скажут, что это мы.

– То-то и оно. Ну, выпускай свою свору.

Арти развернул планшет, быстро накидал боевое распоряжение, отметив приоритетные цели и очерёдность поражения, и отправил его боту-диспетчеру. Алгоритм заработал. Прямо сейчас открываются створки заглубленного контейнера, откуда вылетает рой маленьких, но злых дронов-камикадзе, начинённых мощной взрывчаткой. У каждого, на заложенной в памяти карте горела красным одна единственная точка, та цель, к которой он будет стремиться несмотря ни на какие помехи, пока, наконец не взорвёт её вместе с собой.

– Сейчас хорошо воевать, – вздохнул Копатыч, наблюдая, как взрываются на мониторе «Конунги». – В основном роботы всё делают.

– Так гораздо лучше, – ответил Артур. – И правильнее. Вот, в твоё время сколько человек нужно было, чтобы всю линию в зоне нашей ответственности держать?

– Батальон, наверное.

– А сейчас мы вдвоём только.

– Ну, так, не война же.

– И не мир.

– И не мир.

Действительно, это непонятное состояние между Россией и НАТО меньше всего можно было сравнить с миром. После того, как Россия в ходе СВО заняла всю левобережную Украину, Европа сдуру решила ввести свои миротворческие силы на линию разграничения, не потрудившись, даже, не только посоветоваться, а, просто, уведомить российскую сторону об этом. В результате, сама того не ожидая, она оказалась втянута в конфликт, и началась самая настоящая война с привлечением всех сил и ресурсов. Разве, только США благоразумно предпочли отсидеться за океаном, официально не вмешиваясь в эти разборки.

Хотя, у них там тоже не всё было радужно. Мексика возглавила Фронт борьбы с США, состоящий из латиноамериканских стран, и вела бои на самой границе. В самих соединённых

штатах начались брожения. Калифорния и Техас начали процедуру выхода, банды чернокожих наводили страх на местных жителей, а лет пять, как низверженные с пьедестала геи, лесбиянки и трансгендеры устраивали повсеместные беспорядки.

Наверное, главы Европейского сообщества посчитали себя гуру в военном искусстве, раз так легко с головой окунулись в кровопролитную войну. Однако, не задалось. Невозможно научиться воевать, наблюдая за боевыми действиями со стороны. В результате, самыми боеспособными подразделениями оказались части разбитой украинской армии, а европейские солдаты способны были удерживать только хорошо оборудованные и укрепленные позиции, быстро ломаясь и отступая в окопах в чистом поле. От полного и сокрушительного разгрома НАТО спасала только великолепная техническая оснащённость и превосходная система управления и связи.

А лет пять назад, когда в питерском НИИ «Электрон» изобрели технологию дешёвого поточного метода печати чипов размером в два нанометра, произошла революция в робототехнике, и на фронт хлынули тысячи и тысячи дешёвых роботизированных систем. Уже не требовался оператор для каждого дрона, не нужно было вести птичку или наземного робота по радиоканалу или оптоволокну. Достаточно было загрузить в память карту и, потом, поставить задачу, и беспилотники сами находили цели, минировали территорию или расстреливали из бортового оружия противника, совершая при этом маневры и уклоняясь от ответного огня.

Искусственному интеллекту достаточно было поставить задачу, а, как её выполнить, решает он сам. В процессе выполнения, он учится и эти знания распространяются на всех ботов, которые завязаны в сеть. То есть, что знает и умеет один, то знают и умеют другие. И европейские войска, имеющие, в основном, только дроны, управляемые по радиоканалу или оптоволокну, сразу оказались в роли мальчиков для битья. Не то, что у них не было дронов с искусственным интеллектом, но они были безумно дорогие, и их было очень мало. Линия фронта сломалась и быстро покатила на запад.

И, вот тут, потеряв Прибалтику, половину Финляндии, почти всю Польшу, часть Чехии, треть Австрии, Венгрию и Румынию, Европа запросила передышки. Была установлена санитарная зона, контролируемая, с одной стороны Европейскими войсками, а с другой стороны – российскими. Правда, спокойной жизни не получилось. То и дело диверсионные группы НАТО нарушали перемирие, пытались проникнуть на подконтрольную России территорию, совершая диверсии и прочие пакости. Вот, как, например, сейчас.

Только благодаря новым разведывательным дронам самолётного типа «Орлан 4М», которые работали на солнечных батареях и могли парить над землёй практически бесконечно, большинство таких попыток удавалось пресечь. Ну и спутниковая группировка, которую за последние несколько лет удалось увеличить в разы, тоже здорово помогала.

«Я лежал в неглубокой промоине, а проклятый пулемёт всё стриг и стриг кусты над моей головой. Срезанные пулями ветки сыпались мне на каску, а где-то рядом на одной высокой ноте подвывал раненный Патлатый. Что с ним, я не знал, и подползти поближе не мог. Мог только вжиматься в землю, стараясь расплющить своё тело в, как можно тонкий, блин и молиться всем богам сразу. А ещё я не знал, кто из наших ещё выжил, и мне реально было страшно от того, что остался я один.»

Копатыч читал новый отрывок своей книги надтреснутым голосом, и временами, его голос срывался и начинал предательски дрожать.

«Это была наша четвёртая попытка захвата позиции хохлов в той лесополке. Три предыдущие заканчивались провалом в самом начале атаки. Где-то сзади в поле пламя жадно облизывало нашу подбитую бэу, в которой остался механико-водитель Тракторист. Пулемёт неожиданно замолчал. Наверное, лента закончилась. Я выдохнул воздух, словно собираясь нырнуть в ледяную воду, и слегка приподнялся, чтобы оглядеться. Патлатый уже не выл, а просто слегка

поскуливал. Ясно, в чём дело. Ему перебило ногу. Бедро перехвачено турникетом высоко, почти в районе паха, а ниже – сплошная мешанина из рваного камуфляжа, крови и мышц. Если доживём, то ампутация однозначно. Калибр пули в 12,7 миллиметра шансов не оставляет. Ну, хоть турникет успел наложить.»

Копатыч снял очки и помассировал пальцами переносицу. Артур сделал вид, что не заметил, как Старый украдкой вытер набежавшую слезу.

– Страшно представить, что вам довелось пережить, – задумчиво проговорил он, глядя на экран с текстом. – Вот так напролом переть на позиции, не обработанные артиллерией и авиацией, без прикрытия роботизированных систем... Это самоубийство чистой воды!

– Может быть, – согласился Копатыч. – Но у нас тогда не было роботизированных систем. Да и с артиллерией и с авиацией было не густо. Над каждым мавиком тряслись, как над ценностью невероятной.

– А человек не ценность?

– Знаешь, как говорил маршал Победы Георгий Константинович Жуков?

– Как?

– Бабы ещё нарожают.

– Он, действительно, так говорил?

– Не знаю. Может, это просто исторический анекдот. Но смысл передан верно. Людей не жалели. Особенно хохлы. Тех, вообще, пачками на убой отправляли.

– Жёстко. А лесополку-то взяли?

– Взяли.

Копатыч опять взгромоздил на свой крупный нос очки и повернулся к компьютеру.

«Высоко в небе противно жужжал дрон. Этот звук знаком каждому, кто побывал на поле, и всегда вызывает неприятные ощущения. Разбираться, свой он или чужой бессмысленно, и никогда не поймёшь, пока он не проведёт сброс. Я опять вжался в промоину, мысленно молясь, чтобы оператор не заметил меня. Опять заработал пулемёт, заставляя скрежетать зубами от бессилия. Грохнул взрыв, потом второй, и пулемёт заткнулся. Значит, наша птичка была. Вот и славненько. Значит, поживём ещё. Одним рывком я оторвался от земли, встал на одно колено, выпустил короткую очередь и рванул вперёд. Пулемёт увидел шагов через десять, он торчал из окопа стволом вверх, а в расщепленный взрывом приклад вцепился окровавленной рукой мёртвый пулемётчик.

Слева мелькнула тень. Я резко развернулся и, увидев Калугу, опустил автомат. Живой! Он кивнул мне, не останавливаясь, и спрыгнул в окоп противника. Я перемахнул через бруствер спрыгнул вниз и побежал по ходу сообщения вправо. Хохол выскочил из закрытого плащ-палаткой входа в блиндаж неожиданно и сразу напоролся на мою очередь. А, ведь, я чуть было не проскочил его. Вот бы поймал пулю в спину! Повезло. Кто-то был там, или нет, не знаю, но оставлять за собой непроверенную точку было глупо. А внутрь лезть страшно.

Я полоснул очередью прямо сквозь брезент, отскочил в сторону и закатил внутрь ребристый мячик РГН. Взрывом вынесло какие-то щепки и плащ-палатку. Я для верности выстрелил в чадающую темноту ещё раз и побежал дальше. Сзади, где-то на левом фланге вспыхнула перестрелка и быстро закончилась. Калуга с кем-то схлестнулся. Интересно, кто кого?

Высунувшийся из-за поворота траншеи ствол автомата заставил меня плашмя рухнуть на землю. Вовремя. Пули полетели над головой, противно жужжа. Я огрызнулся в ответ, рывком преодолел метров семь и прижался к стенке. Ствол высунулся ещё раз и снова очередь полетела вдоль окопа. Эх! Гранату бы сейчас! Увы. Последнюю на блиндаж потратил. Пришлось лезть наверх. Перекатившись через бруствер, я лёг на живот и постарался как можно тише подползти к тому месту, где засел противник.

Похоже, моего маневра они не заметили. Сверху ясно было видно, как два хохла, поочередно высовывая автоматы за угол, стреляют по тому месту, где недавно был я. Самим выгля-

нуть слабо. Боятся. Эти ребята, точно, не из регулярной армии. Скорее всего, недавно мобилизованные. «Чмобики», как говорится в простонародье. Ну, я и приголубил их. Так и легли рядышком. С подошедшим Калугой быстро проверили оставшиеся позиции, но больше никого не нашли.»

– Это где было?

– Под Красногоровкой. В январе 2022 года.

– Патлатый выжил?

– Да. Ногу отняли, конечно. На протезе прыгает. Но жизнью доволен. Недавно созванивались. К себе звал.

– Так, съездил бы.

– Не хочу. Отвык я от мирной жизни. Мне здесь хорошо.

Погода испортилась. С неба посыпался первый снег, похожий больше на крупу. Ночью был морозец, и грязь прихватило, а лужи покрылись тонким хрупким ледком. Артур двигался вдоль линии разграничения, проверяя датчики. Там, на той стороне санитарной зоны показались два натовца с белым шевроном с синим однобоким крестом на рукавах. Финны. Один из них что-то прокричал по-фински и, положив ребро правой ладони на сгиб левой руки, показал неприличный жест. Арти усмехнулся. Злятся. И их можно понять. Половина территории Финляндии сейчас под Россией. А не надо было влезать в войну. Сами виноваты.

Следующий датчик оказался сломанным. И не просто сломанным, а простреленным навывлет. Артур присел и настороженно оглянулся. С учётом того, что ширина санитарной зоны сто метров и размеров датчика, можно уверенно говорить о том, что стрелял снайпер. Кто ещё сможет попасть на таком расстоянии в цель величиной с половину спичечной коробки? Отстучав на планшете команду Арлану на поиск стрелка и вызвав два дрона-штурмовика, Арти осторожно двинулся вперёд. Следующий датчик тоже был разбит, как и остальные на дистанции двадцать метров по фронту. В то, что отстреливали датчики ради забавы, верилось слабо. Скорее, готовили проход для ДРГ. Слепая зона достаточна для скрытого прохода группы из десяти человек.

Дрон-штурмовик резко спикировал, но, так и не открыв огня, вышел из пике и сделал резкий разворот. Похоже, среагировал на тех двоих финнов, но вовремя разобрался, что они в данный момент опасности не представляют. Интересно, прорыв только готовится, или группа уже прошла? Так или иначе, окрестности нужно прочесать. Обозначив на планшете квадраты для поиска, Артур отправил четверых ботов ищек, а сам продолжил осмотр.

Мысли невольно вернулись к Копатычу. Как бы они тогда поступили в этом случае? Ну, во-первых, датчиков не было. Живые люди дежурили в дозорах и секретах, охраняя периметр. И это и в жару, и в мороз, и под дождём по колено в грязи. А, если ДРГ прошла? Тоже живьём и ножками по пересечённой местности. А, если догнали, то бой. Да уж. Не сладко им приходилось. Восемь лет, вообще, одни против огромной государственной машины под названием армия. Это, потом Россия ввела войска и началось СВО.

Невольно вспомнились триста спартанцев, удерживающих многотысячное войско персов при Фермопилах. Наверное, правильно, что Копатыч пишет свою книгу. Люди должны знать, какой ценой далась свобода Донбассу. И, всё равно, не верилось, что люди смогли воевать в таких условиях. Подъехавший ремонтный бот отвлёк от мыслей. Арти обозначил место ремонта и принялся наблюдать за работой. Бот, конечно, контроля не требовал, но Артуру нравилось наблюдать за работой механических помощников. Гусеничная машина, похожая на черепаху, деловито подбирала испорченные датчики, тут же устанавливая на их место исправные.

Назад возвращался уже ближе к вечеру. Если бы не низко висящие над землёй снеговые тучи, можно было бы увидеть, как краснеющее закатное солнце висит над горизонтом. Спу-

стившись в подвал, Арти с наслаждением стянул с себя комбинезон и поспешил в душ, на ходу сбрасывая с себя повседневку. Вода была не очень горячая, но Артуру хватило. Понятно, что походный душ далеко не комфортный класс люкс. Бойлер слабенький, напор – тоже.

Копатыч разлил своё варево по тарелкам и принялся нарезать хлеб, который тоже пёк собственноручно. Хлеб был серый, ноздреватый и ароматный. Проели, как обычно, молча, и, только, за чаем, заговорили.

– Не бережёшь ты себя, – ворчливо заметил Старый. – Весь день по лесу шастал.

– Так, пока всю линию проверишь, как раз день и уйдёт.

– Чего её проверять?

– Так, разрыв периметра был.

– Что смотреть, если автоматика показала неисправность? Просто отправил бы бота. Чего самому лазить?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.